

КРЫЛЬЯ В ПОДАРОК

Полина Ивановна Кузаева родилась в Магнитогорске. Выросла и получила образование в Оренбурге, окончив факультет журналистики Оренбургского государственного университета. Трудилась в областной газете «Южный Урал». Последние годы работает в газете «Оренбуржье». Публиковалась в периодике, альманахе «Башня» (Оренбург), журнале «Мир фантастики». В 2009 году вышел сборник её прозы «Волчьи сны». В 2016 году при поддержке Министерства культуры России и Союза российских писателей выпустила сборник рассказов «Юм».

«Золотая капля» завтра покинет Землю.

Её жёлтые бока радостно сияют на солнце. Я долго смотрю на корабль. Скоро лоды заселят его, словно ещё один многоэтажный дом. Из моей родни никто не захотел присоединиться к ним.

Трижды обойдя «Золотую каплю» со всех сторон, я подумал, что она напоминает мне шприц с толстой иглой, которую скоро чья-то опытная рука воткнёт в небесную плоть.

Будущие пассажиры коротают время неподалёку от взлётной полосы. Ни один из счастливицков не осмелился уйти домой.

Среди них я отыскал Даньку. Лохматый, с зарёванными глазами, он сидел рядом с родителями. Положив на колени руки, смотрел куда-то далеко-далеко.

Я подобрался поближе.

— Не канючь, тебе там понравится, — говорит Даньке отец.

— Откуда ты знаешь? Ведь ты там не был, — вздыхает Даня. —

Не хочу я лететь без Фила. Как он тут без меня?

Понятно, мышонку не сказали, что эта неделя — последняя на Земле. И кто не улетит завтра, тому не пить больше финикового пива и не есть цимеса. Впрочем, в городе, кроме Вени Вибера, никто не пробовал такого. Это я загнул. Кстати, чего-то он не торопится к «Золотой капле». Неужели ещё надеется продать оставшиеся билеты? С него станется...

В нашем городе я всех знаю. И дольше всех Веню Вибера. У него длинная седая борода. И волосы тоже длинные. Неаккуратно подстриженные. Особенно на висках. Вообще-то он ревностно относится к своей внешности. Чёрные брюки со стрелочками, белая рубашка хрустит. А вот волосы — да, торчат.

По утрам у Вени на кухне пахнет яичницей с помидорами. Мне нравится её запах. Кисло-пряный, волнующий. Я пью его, как воздух, предвкушая хороший день. Веня Вибер — мой талисман. Редкое утро я не у него. А ведь в его доме и крошкой не поживишься. Ничего там не падает мимо тарелки. Завтракаю я обычно у Марты Оуэн. Вот где раздолье. Только Марта — вон, дремлет в спальном мешке. Рядом коробки и сумки. Из одной торчит рукоятка сковороды. Видно, и там, в космической неизвестности, Марта собирается готовить. Жаль, мне уже не попробовать её фирменных блюд.

— Можно я к Филу сбегать?

Лететь же только завтра. Ну, пожалуйста! — Данька умоляюще смотрит на родителей.

Мне хочется сказать, что зря он старается. Но на моё удивление, а я бы усы заложил, что не отпустят, его мама — рыжеволосая бледная женщина — кивает в ответ:

— Беги, сынок. Только билет оставь здесь. Чтобы не отобрали никто.

Отец Даньки аж покраснел. Он-то уж точно понимает, что опасно мальчика отпускать в город. Только Даньки уже и след простыл. Лишь жёлтый картонный кругляш лежит на том месте, где он сидел.

— Ты дура, — шипит муж. — А если он не вернется? Сама побежишь за ним?

— Всё хорошо будет. И не сердись, у тебя сердце, — говорит мама Даньки. На её всегда уставшем лице проступают тревожные красные пятна.

— Нет, ты невозможна, — продолжает ругаться он.

И чем печальнее становится её лицо, тем довольнее его собственное. Но вот она прижимается щекой к его плечу и замирает, будто наивысшее её желание исполнилось. Тьфу ты! Не хочу смотреть. Может, специально сплавили пацана? Ей-Богу, не удивлюсь.

Насмотревшись на завтрашних космических путешественников, я решил-таки поскорее вернуться в город. Не привык не знать, кто что делает.

Улицы, истомлённые непривычным осенним зноем, исходят пылью. Всё в запустении. Большинство горожан уже улетели. Остались те, кто не смог наскрести на билеты. Продажей занимался, как вы уже поняли, упомянутый Веня Вибер.

Скажу честно, не понимаю, как это его ещё не убили. Люди — странные существа. Какие билеты, когда на кону жизнь? Отрвали бы Вене голову да и сели в корабль. Но куда там! Как маленькие шли и несли золото Вибера. Да, я ведь не сказал, что «Капля» сделана из золота? От первого и до последнего винтика. В городе не осталось ни крупинки жёлтого металла. Когда объявили, что к Земле летит огромный астероид и шансов остаться в живых — один из десяти, а Веня Вибер знает тех, кто строит небесные корабли, и для этого нужно золото, жители добровольно понесли свои «золотинки». Отдали всё, а потом узнали, что вход-то платный, и просто так корабль не повезёт пассажиров. И опять никто даже не возмущался. В выигрыше остались те, которые утаили ценности. Им одним было чем заплатить за спасение.

Кто и где строил корабли — неизвестно. Каждый раз они появлялись прямо на аэродроме. Всего четыре. Огромных, цвета полной луны.

Последний — «Золотая капля» — хоть и велик с виду, а самый маленький. Я видел его изнутри.

Больше двухсот человек не поместится. А билетов на него Веня от силы двадцать продал.

Торопился я вернуться в город не зря. На главной площади толпа собралась. Я сразу всех опознал, кроме одного. И это меня сразу насторожило. Чужак, значит. Всех местных я до чёрточки изучил. У незнакомца медная кожа, длинные чёрные усы и окладистая борода. Голову прикрывает остроконечная шляпа. Таких я ещё не видывал, хотя после разлома мира каких только чудес не случилось у нас. К Марте Оуэн в окно, помнится, залетел попугай размером с телёнка. И как только сумел? Теперь живёт в здании филармонии. И поёт, и разговаривает на неизвестном языке. И это ещё что! Привыкли мы, что прямо из ниоткуда может шагнуть к нам в дом какой-нибудь эскимос или араб.

Треснул прежний мир, всё изменилось. Потому, когда Веня Вибер сказал, что у него есть мастера, которые построят спасительные корабли, никто не удивился. Пожалуй, кроме меня и моей родни. Уж мы-то старались всё разведать. Да куда там... Я от Вени носу не казал, думал, с голоду помру, но тайны так и не раскрыл.

Сейчас же, глядя на незнакомца, почувствовал, как зажгло у меня внутри. Вот она — разгадка. Уж не один ли из неведомых строителей?

— Вы предлагаете нам... золото? Просто так?

Голос Феди Инокова дрожал. Оно и понятно, у него детей пятеро, а ни одного билетика купить не сумел. Его жена Маргарита первой Вене все семейные украшения отнесла. Цепочки и кольца не из какого-то там современного золота — толстые, старинные. А что за сбережения могут быть у Феди-кровельщика? Долговые расписки да полуистлевшие простыни, на которых спит его детвора. Я видел, с каким удовольствием её подношение принимал Веня. Крючковатыми пальцами гладил золото да щурился, глядя на Маргариту. А та только краснела и глаза опускала.

— Берите скорее. Мой Федя и не знает о них, а то заложил бы давно. Это мне от мамы досталось, прятала я, хотела для дочек сохранить. Да важнее сейчас кобрали построить.

(Хорошо, что только я был этому свидетелем. Иноков бы точно жену прибил за такое. Тяжёлый нрав у него).

— Да, я дам вам сколько нужно, — улыбнулся смуглолицый. — У меня здесь, в мешке, на всех хватит.

Федя, растерянно обернувшись, провёл рукой по лицу. Словно умыл себя холодной водой. И шагнул к незнакомцу. А тот ещё шире разулыбался.

— Федя, стой!

Тот обернулся. И я вместе с ним. Смотрю, к площади спешит Маргарита. Бежит из последних сил, того и гляди сердце выронит.

— Не соглашайся! — кричит издали.

А Фёдор, сначала обрадованно отступивший назад, сдвинул гневно брови и ещё ближе к чужаку подошёл.

— Нашим детям помирать прикажешь? — прошишел он. — Как ещё мне, на что эти билеты купить? Можно было бы, так из собственной кожи бы сделал.

— Знаю, знаю, Феденька, но не надо.

Маргарита хватает мужа за руку и тянет к себе.

— Пойдём домой. Нельзя так. Сами спасёмся, а других пропадать оставим? А родители как же?

— Отстань, дура убогая, — отталкивает он жену. — Где ваше золото? Дайте скорее, — бросается к чужаку. И смотрит на него жадно, как бездомный пёс, которому показали кусок мяса.

Незнакомец насыпает ему полные пригоршни золотого песку.

Фёдор растерян. Он не знает, куда его спрятать. Кто-то из стоящих на площади даёт ему пакет. Дрожащими руками Иноков пересыпает золото.

— Я точно вам ничего не должен? — переспрашивает странного дарителя.

Тот, улыбаясь, качает головой.

— Даю золото даром. Кому ещё?

С протянутыми руками, плача, к нему идут люди. Один только, оторвавшись от других, мчит в сторону серой хламиды многоэтажек. Этого человека я толком не знаю. Ни разу не забирался к нему домой. Уж очень гадкое у него выражение лица. Словно

пропитавшееся густым сиропом, в котором глаза, как застывшие мёртвые мухи. Странно, что этот тип раньше не улетел. Сейчас же наверняка за чемоданом рванул...

Решив, что тут мне делать больше нечего, я поспешил за Фёдором — к Вене.

Дом Вибера стоял на самом откосе. Небольшой, но крепкий. Таких давно не строят. Деревянный, с широкими дубовыми окнами.

Незаметно проскользнул внутрь. И раньше Инокова понял, что хозяина нет. Пошевелил я усами, взвесил всё и решил, что скоро придёт обладатель спасительных билетов. Ждать надо. Что ж, отдохну.

Фёдор уселся у порога. Кулаки о закрытые двери он изрядно оббил.

А я весь дом проверил. На кухне пару хлебных крошек нашёл. Подивился про себя несвойственной Виберу щедрости. Поспал чуток на хозяйской подушке.

Вернулся, вопреки моим ожиданиям, Веня только под вечер. Сразу провел Инокова на кухню.

— С чем пожаловали, Фёдор?

Вибер всех жителей по имени знал. Был у него такой удивительный талант. И всегда всех вежливо величал. Впрочем, за это его не любили ещё больше.

— Сам не догадываешься? — спросил Иноков сквозь зубы. Зайти в комнату он отказался. Так и остался стоять на пороге.

— Я посижу, если вы не против. Устал. Да и выпью, пожалуй, — сказал Веня.

Достав из навесного шкафа запылённую бутылку вина, он медленно и очень долго вытирал её салфеткой. Потом едва ли не по капле наливал в хрустальный бокал. И когда прошла, как мне показалось, бездна времени, сказал:

— А билетов, голубчик, больше нет. Вы зря утруждали себя ожиданием.

От такой наглости я обомлел. Про Фёдора вообще молчу, он бело-серым стал, как отцветший одуванчик. Но я-то, в отличие от него, знал, что билетов ещё много. Бери — не хочу. Хоть даром отдавай.

— И если у вас ко мне всё, то, пожалуйста, уходите. Там у дверей уже очередь собралась. Эк я всем сегодня понадобился, — медово улыбнулся Веня.

Я думал, Федя его убьёт. Уверен был. Но он, как-то странно кивнув, вышел. С таким лицом, наверное, топиться идут.

Выглянув наружу, я охнул. Человек сто пришли. У кого сумка в руках, у кого рюкзак. Всех тот чужак золотом одарил. Ну и дела!

Тут меня прямо на части разрывать стало. И за Федей хотелось проследить. И здесь что будет посмотреть. Ещё проверить, вернулся ли Данька к родителям.

Дёрнув себя за ус, я побежал за Иноковым.

Длинный, нескладный, с налитым кровью лицом. Он шёл, не глядя вперёд. Оттого спотыкался и краснел ещё больше. Видно было, что какая-то необычная

мысль терзает его. Глаза, всегда безмятежные и наглые, сейчас выражали подлинное страдание. На полдороге к дому Федя развернулся и побежал назад.

От Вени как раз вышел тот, с сиропом в глазах. Судя по его ликующей маслянистой улыбочке, место на корабле Вибер ему обеспечил.

Фёдор схватил его за шиворот.

— Купил билет?

— Твоё какое дело? — тот попытался было вывернуться из Фединых рук. Да проще было дом с места сдвинуть. — Спасите! — тоненько закричал он.

Инокова обступили собравшиеся. Один из них, с барашковой головой и бешеным цыганским взглядом, известный в городе катала и бабник, давний приятель Фёдора, сказал:

— Уйди лучше сам. Вибер сказал тебя взащей гнать. Уж чем ты так ему насолил, не знаю. Но мы не хотим из-за тебя здесь подохнуть, если он вдруг лавочку прикроет.

Ничего не ответил Инок. Только странно дёрнулся. Будто яда глотнул. Отвернулся я. Неловко было смотреть, как текла из его глаз жидкая соль. Не люблю я такого. До тошноты. Развернулся я и к Данькиному дому рванул. Ну его, этого Вибера с его тайнами. Успею всё узнать.

У Даньки горел свет. Значит, не вернулся к родителям. И тут всё неладно. Занервничал я. А зря.

Все сидели на кухне. Даже Фил — кудлатая, довольная, беспородная псина. Он сразу покосился на

меня золотисто-чёрным глазом, но вида не подал. Наверное, от счастья размяк весь. Тут же, привалившись к нему боком, полуспал Данька. Лицо в вишнёвом варенье. Такое же сумасшедшее блаженное, как у собаки. А рядом сидела... Данькина мама. Вот те раз! Но, честно говоря, я не расстроился.

— Иди в кровать, — поцеловала мама Даньку.

— Мы точно не летим? Правда же? — Ребёнок уже едва шевелил губами. — А дядя Дима? Он улетит?

— Да, сынок.

— Ура!

Мама Даньки печально улыбается.

— Я знала, что ты не любишь его, но чтобы так...

Данька целует сначала пса в нос, а затем маму в щёку:

— Не, он нормальный. Но это так здорово, что не надо звать его больше папой.

— Я же не заставляла, сын.

— Да, но ты бы переживала. И потом он терпеть не мог Фила.

— Иди спи, малыш. Я ещё посижу одна.

Я составил компанию Данькиной маме. Посидел рядом. Поел пирога. Пока подбирал крошки, всё потихоньку на неё поглядывал. С зелёными бездомными глазами, она долго плакала, испуганно озираясь на дверь комнаты сына. Боялась разбудить, напугать. Сама-то ещё девочка.

Страшно мне за них стало. Этот астероид... он же прилетит.

Не пощадит. Рассердился я на себя. Не удавалось мне по-хорошему посмотреть на будущее. Всё казалось неверным каким-то. А от таких мыслей и заболеть недолго. Встряхнулся я — и бежать из Данькиного дома. Прямоком к «Золотой капле». По дороге увидел Фёдора. Он спал под мостом в старой лодке, нагнув на глаза кепку. Пакета с золотом я нигде не приметил, зато издали ощутил запах спиртного. Судя по валяющимся рядом бутылкам, Федя нашёл-таки применение золотому песку.

До взлёта корабля оставалось часов пять, не больше. На рассвете я был уже на аэродроме. Серовато-синее небо задавало тревожный настрой. Никто не спал.

Но где же Веня Вибер? Его нигде не было. Я всё обыскал, всё проверил. Столкнувшись нос к носу с давним приятелем Джо, который здесь живёт последние месяцы, спросил, что же вчера произошло с Данькиными родителями.

Тот удивлённо на меня посмотрел. Заверил, что всё было тихо и гладко. Это уже моя Мэри, тоже не отходившая эти дни от «Золотой капли», рассказала. Она видела, как мама Даньки молча ушла. Погладила спящего мужа по щеке и, не оглядываясь, поспешила к сыну.

— Думаешь, он расстроился, когда проснулся? Достал из сумки бутерброды в фольге. Шуршал тут, как бегемот. А жирные пальцы вытер о забытый платок жены, — фыркнула моя радость. От негодования у неё усы задрожали.

Хотелось мне задержаться с Мэри. Но, сорвав пару-другую поцелуев, я со всех ног понёсся к Виберу.

А Вибер спал. И когда «Золотая капля» взлетала — а рокот стоял такой, словно она стартовала прямоком из Вениной спальни. И когда она, оторвавшись от земли, тонко завибрировала-запела. И когда её прощальные ноты полностью растворились в воздухе. И когда прошла добрая половина следующего дня.

У меня уже в животе всё выло, скреблось и жаловалось, и лишь тогда Вибер наконец изволил проснуться.

На кухню Веня спустился в обычном своём наряде: выглаженные чёрные брюки, белоснежная рубашка, чёрный жилет, на котором ловили солнечные лучи круглобкие часы на цепочке. Обут он был в мягкие замшевые туфли на толстой подошве.

Мурлыча под нос какую-то неизвестную мне песенку, он принялся готовить свою любимую яичницу.

Когда открылись двери и в комнату вошёл вчерашний незнакомец, Веня тонкой соломкой нарезал перец.

Я от волнения задрожал, понимая, что скоро все загадки будут решены.

— Здравствуй, Ханох. Как у тебя дивно пахнет. Угостишь?

Веня, отвесив шутливый полупоклон, кивнул гостю на стул.

— Садись, дорогой. Ты знатно вчера поработал. И сколько ещё тебе предстоит, остаётся только догадываться.

Гость вежливо улыбнулся, обнажив крепкие белые зубы.

Завтракали молча. Я весь издёргался, желая поскорее узнать тайну, а они всё жевали и жевали. Наконец Веня изрёк:

— Это хорошие люди. Тебе будет приятно заботиться о них. Большинство погибнет, но кто-то обязательно выживет. Всё как всегда. Ты и сам это знаешь.

Незнакомец кивнул.

— Знаю. И не перестаю думать, что это несправедливо.

Вибер отпивает вино из бутылки. Красное пятно расплывается на белой-белой ткани. Он с неудовольствием глядит на испачканную рубашку.

— Несправедливости нет. Каждый отвечает или за своё будущее, или за прошлое. Потому я отвык от чувства жалости. Оно лишнее на этом свете.

Незнакомец деланно поднимает брови.

— Однако ты не продал билетов этому каланче с лицом мясника, полюбившего забывку. Уж не пожалел ли? Не подарил призрачный шанс на спасение?

Веня качает головой.

— Разве я настолько глуп? Да он и недостоин жалости. Когда заяц приходит к волку и говорит: «Не ешь никого из бегающих и прыгающих, я принёс тебе другой вкусной еды из корней и фруктов», волку ничего не остаётся делать, как оставить косоногого целым.

Гость смеётся. Да так завидно — откинул голову назад, и сочные звуки сотрясают маленькую кухню Веня.

— Уж не перемудрил ли ты сам себя, Ханох? Разве такое бывало когда-то?

— Бывало, бывало. Потому как и волк тоже, прожив долгую жизнь, начинает тосковать. Хочется и ему, как и человеку, разнообразия. Что зайчатина? Он с рождения ел зайцев. И всегда они убегали от него и боялись даже взглянуть. Скажем так: чем седее шкура, тем сильнее голод познания. Да, когда-нибудь волк съест зайца опять, но какое-то время может искренне верить в то, что полюбил кипарисовые листья и фиги. И такой вот необычный заяц спасал десятки тысяч других слабых и обиженных. И таких случаев немало.

Незнакомец глядит на Веню, и ни одна его чёрточка больше не смеётся. Он вообще выглядит так, будто не знает, что такое смех.

— Разве, Ханох? Об одном ли мы говорим с тобой? На одном языке? Волк всегда утолит голод. Даже если не слишком голоден. Ты ведь и сам не знаешь, кто из оставшихся переживёт падение астероида. Улетевшие — да, погибли все. И что тут твой или мой выбор? Какое разнообразие, скажи, когда мы бессильны, как дети? Вечные дети. Или ты забыл, как был выпорот молниями?..

Лицо Вени — живое, прыткое такое лицо, когда послушны движению мысли и глаза, и губы, и нос, — застывает, уподобившись старой маске.

— Я не забыл, Мельхиседек. Рад, что и ты помнишь. Слишком

опасны твои слова. Кого ты подразумеваешь под волком? Скажи...

Мельхиседек поднимает бокал и, кивнув Вибери, выпивает вино.

— Моя вера со мной, Ханок. Когда рядом ты, я не нуждаюсь во врагах.

— Рад, что мы понимаем друг друга, — говорит Вения. — Мы забрали из этого города лучшее. Золото... золото чувств, из которого я и выплавил корабли. Ты заговорил про того, кого я будто бы пожалел. Да ты ведь не знаешь, что самый большой корабль создан с помощью одной только женщины. Его женщины. Её порывы, её милосердие я обратил в жертвенный металл. Первой она принесла драгоценности. Мать, которая не припрятала ничего для своих детей. Всё отдала во имя спасения других. Не отчаялась, когда её дочерям и сыновьям отказали в спасении. Мельхиседек, да этот заяц стоит тысячи тысяч жизней. Её слёзы — золотые слёзы, как плата Господу нашему за новый чудесный мир.

Мельхиседек качает головой:

— Тот корабль уже разбился?

Вения кивает.

— Да, и скоро на этой в прошлом пустынной планете разгорится жизнь. И, может быть, всё станет иначе. В людях будет меньше зависти и зла.

Последние слова Вения проносит тихо-тихо. Кажется, что он сам не верит себе. Он берёт в руки часы и говорит:

— Через пять минут и 24 секунды астероид столкнётся с

Землей. Одновременно с этим «Золотая капля», достигнув очередной одинокой планеты, взорвётся. Кроваво-золотой дождь даст первые всходы. И тут, и там взойдёт первозданное семя...

Гость грустно улыбается.

— Сколько раз уже это было, Кохен ха-гадол*? Какой это город по счёту? Сотый? Тысячный? Я ходил вчера по улицам и вдыхал бесплодный, сухой воздух тишрея**. В нём ничего, кроме тоски и печали. Существование людей смешно и бессмысленно. И так же бестолково, как жизнь бездомной собаки, которая от рождения до смерти дрожит от холода и голода. И умирает неприкаянной в страданиях.

Незнакомец смотрит на Вибери, и в его взгляде тайная мука.

Вения молчит, глядя на залитый солнцем циферблат.

Я, ничего не понявший в их разговоре, умираю от ужаса. Ощущение потери накрывает меня, как сачок бабочку. Бегут последние секунды. Я считаю, ловлю их, нанизываю на свои усы и думаю о Даньке. О его маме. О городе. Моя родня должна выжить, я не боюсь за неё, а вот люди... Как, когда я так привязался к ним?

* Кохен ха-гадол — первосвященник (ивр.), в иудаизме — священнослужитель, возглавлявший службу в Скинии, затем в Первом и Втором Иерусалимском храмах.

** Тишрей (ивр.) — месяц начала года еврейского календаря. Приходится примерно на сентябрь-октябрь.

Я смотрю на часы Вибера. Уже скоро, вот сейчас... Я закрываю глаза и думаю о золотых пылинках на чердаке. Они падают и падают вниз. Экие золотинки. Мальчишка читает книгу, пёс лежит у его колен. Я посасываю яблочную дольку, оброненную на пол.

Вот оно — счастье. Мальчишкино, пёсье, моё! Мысленно я охватываю его собой и держу. Из последних сил. Всеми своими шестью лапками.

— Похоже, часы встали, — изумлённо говорит Вибер. — Паразитительно.

— Что это значит, Ханох?

Вибер осторожно улыбается.

— Не знаю.

Он стучит пальцами по столу. Танцует ими. А потом обрушивает их на меня. Поднимает к лицу и долго смотрит мне прямо в глаза.

— Удивительно...

Мгновение, и он склоняет голову. А потом бережно опускает на пол.

— Ты спросил, какой это город по счёту. Не знаю. Но он первый, в котором Элохим*** не принял кровавой жертвы. Я чувствую, что и «Золотая капля» совершила посадку.

А это значит... Нам надо уйти. Ты жаждал чуда, Мельхиседек, и

вот оно. Смотри, дрогнули стрелки и замерли. Время застыло на моих часах. А вон на тех, что висят на стене, послушно бежит вперёд. Поспешим, нам опасно здесь оставаться.

Комната залита светом. Но он не тяжёлый, не иссушающий. Лёгкий ветерок колышет занавески. Ещё не набравшись смелости посмотреть по сторонам, я слышу далёкий, как дуновение, и ласковый, как дыхание матери, шёпот: «А тебе в подарок я оставляю крылья».

В тысячный раз я рассказываю малышам эту историю. Мы сидим под столом на кухне. За окнами южная ночь, томно играют на скрипках цикады. Слушая музыку, я не могу удержаться и призывно поглядываю на Мэри.

— Поэтому у мамы нет крыльев, а у нас есть? — пищит наш младшенький.

— Поэтому, — важно киваю я. — Доедай свой кусочек и ползи спать.

Тут раздаются шаги. Я тонко свищу, и моё потомство разбегается по углам.

Это Данька проснулся и приотпал к холодильнику.

Когда он уходит, мы с Мэри ещё долго сидим рядышком и слушаем ночь. Я смотрю на небо, выплёскивающееся на меня из окна, и вспоминаю тот голос. И кажется мне, что в нём, в том шёпоте, всё моё маленькое вселенское счастье.

***Элохим (ивр.) — еврейское нарицательное имя Бога, Божества; множественное число от «Элоах» или «Эл», общего названия для божества у семитских народов.